

Галия ШИМЫРБАЕВА

Особых подвигов на войне я не совершала. Но такие, как я, патриотичные комсомолки всегда были готовы заменить тех, кто уходил на передовую, говорит 92-летняя алматинка Александра Ильинична Масюра, воевавшая в годы Великой Отечественной

...Сашу Ларину (девичья фамилия Александры Ильиничны) призвали в армию весной 1942 года.

– Наша семья жила тогда в Джамбуле, – рассказывает фронтовичка. – В тот день, 22 июня, артисты, приехавшие к нам с гастрольями с Украины, играли в железнодорожном клубе спектакль «Мачеха». Вдруг занавес закрылся и со сцены прозвучало: «Война!» Это было страшно! Пока с подружкой шли домой, все оглядывались по сторонам. Казалось, что кто-то подглядывает за нами.

Вскоре меня, как военнообязанную (после окончания техникума связи я работала телеграфисткой и у меня был военный билет), отправили на 6-месячные курсы медсестер. После их окончания добровольно ходила дежурить в госпиталь. Под него переоборудовали тот самый железнодорожный клуб, где объявили о начале войны. Теперь здесь лежали раненые бойцы. А в апреле 1942 года меня вызвали в горком. На вопрос, не желала бы я идти защищать Родину, с готовностью ответила: «Конечно!» Через неделю пришла повестка, и нас, 20 девочек из Джамбула, отправили в Красноводск (город-порт на Каспии, сейчас носит название Туркменбаши. – Г. Ш.), где мы заменили роту, ушедшую на передовую.

После кратковременного обучения военному делу и принятия присяги нас разделили по постам, и мы приступили к делу: охраняли местность от налетов вражеской авиации. Я служила радисткой, подружка Машенька Юшкина из Алма-Аты – наблюдателем. Она опознавала тип самолета по звуку, по оперению, по курсу, а я передавала информацию в часть.

Когда Бостандыкский район Алматы отмечает День Победы, поздравить фронтовиков приходят курсанты из военных училищ. Среди них немало девочек. И до того на них трогательно смотреть! Они все – в военной форме с иголки, в туфельках, с бантами. А нас, помню, постригли под расческу, выдали форму, где женской была только юбка, и дали приказ: за ночь подогнать ее под свой размер. Сапоги нам выдали мужские. Мы жили на втором этаже, а командующий состав – на первом. И вот как утро, так политрук, услышав наши шаги по скрипучему деревянному полу, кричал: «Старшина, загони своих баб в море!»

Потом сапоги заменили присланными союзниками ботинками-черчилльками. Если носишь 35, то берешь 40 размер, потому что в подъеме они были низкие.

Это сейчас рассказываешь так, как будто ничего особенного в этом не было. А вспомнишь! С ружьем в руках, в полной амуниции (в скатке, перекинутой через плечо, шинель, кружка-ложка и котелок) по 40-градусной жаре бежишь на вершину горы или несколько километров, растирая колени в кровь, по колючкам ползешь по-пластунски к морю. А кому что скажешь? Не принято было тогда жаловаться, дисциплина для бойцов обоего пола была одинаковой. От парней мы отличались только тем, что на нас были юбки.

Но что такое настоящая война, мы почувствовали только в начале 1944 года, когда нас в составе 2-го Белорусского фронта отправили на передовую. Уже в дороге началась бомбежка. Первое боевое крещение мы получили в городке Новозыбково. Однажды ночью здесь началась страшная бомбежка. Ни одному человеку тогда не удалось уйти в лес – город был освещен фонарями как днем, вражеские самолеты, сбрасывая бомбы, пролетали над ним бреющим полетом. Мы находились в это время в лесу, отсиживались в землянках и окопах. Рядом – аэродром, возле него – цистерны с бензином. Страшно представить, что могло бы случиться, если бы туда попала хоть одна бомба!

Наутро города уже не было. Городское кладбище тоже было разворочено – на его месте

зияла огромная воронка. Ночью мы видели, как вылетали из могил гробы, а наутро нас мобилизовали собирать их для захоронения. Эта страшная картина до сих пор перед глазами, а тогда мы с неделю не могли ни есть, ни спать.

После разгрома Новозыбково нашу часть перевели в Бобруйск. Там уже не было войны, но мы все равно несли службу – следили за каждым самолетом, и своим, и вражеским.

День, когда прозвучало слово «Победа!», я не забуду никогда. Даже сейчас, когда вспоминаю это, мороз по коже пробегает. В ту ночь я дежурила. Было жарко, и я, сняв форму, осталась в белье. Вначале было тихо, и вдруг слышу в наушниках стрельбу и крики: «Победа! Победа!»

Весть о капитуляции врага пронеслась по части мгновенно. Когда я в чем была, то есть почти нагишом, выскочила из радиостанции, уже отовсюду слышалось: «Победа! Домой!» На меня кто-то набросил шинель. Все целуются, обнимаются, плачут.

Первый день без войны запомнился еще тем, что мы пошли на танцы.

А демобилизовалась я только в августе – надо было подготовить радистов-новобранцев.

Вернувшись домой, мы просто радовались, что остались живы. Но ликование было недолгим, вскоре начались суровые будни. Старший брат погиб, сестра с тремя детьми перебралась из Аральска к нам, в Джамбул. Хотела пойти куда-нибудь учиться, а в чем? Нищета полная. Ни платица, ни обуви – все довоенные наряды родители обменяли на продукты. Папа у меня был каменщиком, и я пошла вместе с ним строить дома по колхозам. Когда приделалась немножко, вернулась на телеграф. Теперь можно было подумать и о личном.

До войны у меня был парень. Летом 41-го он окончил военное училище, получил лейтенантские звездочки. Я от него получила телеграмму: «Беру отпуск! Готовься к свадьбе!». А через несколько дней – война! Мой жених погиб в первые же месяцы.

Когда служила в Бобруйске, я увидела сон, будто он выводит меня из землянки, показывая на широкую, уходящую за горизонт дорогу посреди леса, он говорит: «Иди по ней». И вот сколько лет прошло, а тот сон все перед глазами. Да и понятен теперь он мне: все иду и иду по той бесконечной дороге, словно живу и за себя, и за него.

Замуж я вышла в конце 1948 года. Собиралась за летчика из Ферганы. Дружили год. Все было чисто, целомудренно, парни тогда относились к девочкам так, что лишний раз боялись притронуться. Когда мы с ним договорились уже о свадьбе, ему телеграммой сообщили, что нашелся семь лет назад пропавший без вести брат. Он собрался домой. Когда мы с ним прощались у нашей изгороди, ко мне пришла подруга детства с мужем и с каким-то незнакомым мужчиной. Глядя на них, он почему-то сказал: «Такое предчувствие, что потеряю тебя». «Да что ты!» – удивилась я.

Но он как в воду смотрел. Кузьма, тот парень, как только Петя, летчик, уехал, начал к нам захаживать. Он очень понравился моим родителям, они стали настаивать на замужестве – не хотели, чтобы я уехала в Фергану. И я не посмела их послушаться, да и лет мне было уже прилично за 20.

Но хотя и вышла замуж не за того, за кого хотела, жизнь сложилась неплохо. Я стала отличной мамой – растворилась в детях, дышала ими. Мои сыновья и в школе учились лучше всех, и в спорте преуспевали. Старший, Володя, окончил Рижский авиационный институт. Уже на пенсии, но работает ведущим специалистом авиакомпании «Беркут». Младший, Виктор, поступил в спортивный вуз. И до того преуспел в спорте, что потом Москва забрала главным тренером сборной Союза по регби.

А мужа я уважала. Хорошим он был человеком. Жаль, ушел рано – всего через год, как вышел на пенсию.

...Последние годы я часто слышу вопрос: как же все-таки девушки переносили тяготы Великой Отечественной войны? И совместимы ли понятия «военная служба» и «женский пол»? Ну что на это сказать? Мы, медсестры, радистки, зенитчицы и наблюдатели, тоже внесли свой вклад в победу. Особенно медсестры: они ласковым словом, нежным прикосновением, бывало, возвращали к жизни тех, кто, казалось, уже уходил... И все же, все же, война – не женское дело...

